

Гертруда Кирхейзен

**Женщины вокруг
НАПОЛЕОНА**

Гертруда Кирхейзен
Женщины вокруг Наполеона

Издательство «РИМИС»

1892

Кирхейзен Г.

Женщины вокруг Наполеона / Г. Кирхейзен — Издательство «РИМИС», 1892

В многочисленных произведениях, летописях и мемуарах Наполеон Бонапарт представлен как выдающийся дипломат, политик и полководец. Мы предлагаем познакомиться с Наполеоном как с человеком недюжинного ума и сильной воли, жившим в вихре интриг и головокружительных страстей. Находясь у власти, Наполеон постарался окружить себя не только толпой друзей и приверженцев, но и плотной завесой таинственности. На страницах этой книги автор приподнимает для вас эту завесу. Вы узнаете о поражениях и победах Наполеона, но не на полях Ватерлоо и Аустерлица, а на линии фронта, проходящей через будуары европейских красавиц, где он, как и во всех разыгранных им сражениях, неизменно оставался самым собой – Великим Императором Франции. Текст печатается по книге, выпущенной в 1892 году в Москве издательством «Заря». В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

© Кирхейзен Г., 1892

© Издательство «РИМИС», 1892

Содержание

Глава I	6
Глава II	14
Глава III	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Гертруда Кирхейзен

Женщины вокруг Наполеона

Издательство «РИМИС» – лауреат Литературной премии им. Александра Беляева 2008 года.

Глава I

Наполеон и любовь

«Что такое любовь? Это – сознание собственной слабости, которое вскоре совершенно овладевает одиноко стоящим человеком; одновременно это – чувство утраты власти над собой. Сердце то сжимается, то ему тесно в груди; оно бьется сильнее, и сладостные слезы струятся из глаз. Такова любовь».

Это говорил молодой Наполеон. Всецело под влиянием идей Руссо писал он свои взгляды на любовь, которой сам он почти еще не знал, в один пасмурный февральский день 1791 года, во время своих странствий по Дофинэ.

Таков был его взгляд на платоническую любовь; чисто физическая любовь находила в нем еще меньше отклика. Его друг, лейтенант де-Мази, служивший в полку ла-Фер, часто давал ему случай высказывать свое мнение по этому поводу. У него была возлюбленная, он думал только о ней, он говорил только о ней и видел только ее в целом мире. Бонапарт относился к нему как к больному. Силой доводов и убеждений пытался он исцелить его от этой болезни, которую он считал ненужной и опасной. Последствием всех этих ежедневных разговоров на тему о любви явился его «Диалог о любви», где он категорически утверждает: «Я считаю любовь вредной как для целого общества, так и для личного счастья человека, и думаю, что она причиняет вреда больше, чем дает радости. И, право, боги сделали бы истинное благодеяние человечеству, если бы освободили мир от нее!». А в своих «Письмах о Корсике» он страстно восклицает: «О, любовь, пагубная страсть, бич добродетели, что ты сделала!».

Его юное сердце осуждало любовь как низменное чувство, которое губит народы и нравы. Только одну любовь признавал он в то время: любовь к отечеству. Его родина, его милая Корсика была для него все. Для нее он жил, для нее он охотно пожертвовал бы жизнью. Да, древние римляне или спартанцы, те знали, что такое истинный патриотизм! Но неженки восемнадцатого столетия, эти отдали себя во власть слабого пола, вся заслуга которого состоит в приятной для глаз внешности. Сколько презрения! В своем негодовании он не находит даже слов. «У народа, всецело преданного культу женщины, не хватит даже силы просто понять, что действительно существуют патриоты!»

И когда во Франции разразилась революция, когда все истинные патриоты в упоении свободой и одушевлении новыми идеями были вовлечены в ее водоворот, – тогда как женщины, особенно из высшего общества, все еще продолжали быть приверженцами старого режима с его утонченными, но отнюдь не добродетельными нравами, – тогда Наполеон не мог сдерживать всего своего презрения к женщинам. «Свобода, – воскликнул он, – стократ прекраснейшая женщина, и все они исчезают в ее тени!»

Согласовались ли, однако, эти слова с сущностью и поступками человека, который говорил их? Имел ли право и мог ли выражаться таким образом тот, у которого впоследствии было две жены и множество любовниц? Да. Потому что по существу женщина была для Наполеона не более как времяпрепровождение, как простая физическая потребность. Он искал ее общества, ее нежности, ее любви, когда его дух нуждался в покое, в перемене впечатлений, или же женщина была для него лишь средством осуществления известной цели, когда того требовали его честолюбивые или политические замыслы.

Если он и знал женщину, то только одну: Жозефину. Может быть, и ее даже он не знал вполне, потому что она больше чем всякая другая была актрисой. Все же другие женщины, которых знал и которыми обладал Наполеон, были для него лишь необходимостью, капризом властелина, политическими соображениями или же просто случайностью.

Никогда женщины не играли роли при его дворе. Никогда у него не было возлюбленной, подобной Диане де-Пуатье, которая ежедневно купалась в холодной золотой водке и безраздельно владела Генрихом II и его страной, ни подобной Монтеспан Людовика XIV, ни Помпадур, которая, как говорит Сент-Бев, была последней королевской любовницей, достойной этого названия. Не было у Наполеона ни Лолы Монтес, как у дряхлого баварского короля, или Авроры фон-Кенигсмарк, как у Августа Сильного. «Женщины никогда не будут играть роли при моем дворе, – сказал он однажды г-же Ремюза, – они будут за это меня ненавидеть, но зато по крайней мере оставят меня в покое... Женщины вредили Генриху IV и Людовику XIV. Мое же положение куда серьезнее положения этих королей. С тех времен французы стали гораздо строже в этом отношении. Теперь они ни за что не простили бы своему властелину открытых любовных связей».

В этом он был совершенно прав: то, что позволяли себе другие властители, того не мог себе позволить Наполеон. Кроме того, человек такой сильной натуры, как он, не мог спуститься до того, чтобы любовные приключения играли какую-нибудь роль в его жизни. При его дворе женщины служили только как украшение, как декорация. Только с этой целью он старался привлечь к своему двору самых красивых, самых элегантных и знатных дам. Никогда дворцы французских королей не видали в своих стенах столько грации, красоты, столько блистательной роскоши и юности, как во времена Наполеона. При его дворе роскошь была доведена до крайних пределов. Дамы и мужчины были сплошь покрыты золотом и драгоценными камнями. Сестры и невестки императора никогда не появлялись на каком-нибудь празднестве, не надев на себя украшений на несколько сот тысяч франков.

При дворах, где исключительно царили женщины, как, например, при дворе Людовика XIV, естественно, царил легкий, фривольный тон. При дворе Наполеона царил строгий этикет; его двор можно было назвать почти добродетельным. Все те лица, которые входили в его состав, не были испорчены обществом с его утонченными наслаждениями; промежуток времени между 9 Термидора и учреждением консульства был слишком короток для того, чтобы тогдашняя необузданность нравов могла внести настоящие опустошения в новое общество. Женщины все принесли с собой более или менее неиспорченную естественность, которая хотя, правда, иногда и шла вразрез с предписанным этикетом, но зато смягчала общий суровый колорит. Их изящество, их молодость, их грация сглаживали ту строгую сдержанность, подчас почти натянутость, которую предписывал император. Может быть, этому придворному обществу и не хватало той легкой игривости, той брызжущей живости ума, которая отличала придворных старого режима, но зато у них было то преимущество, что они были более естественны, более нравственны, что отнюдь не значит, однако, что при дворе Наполеона не разыгрывались любовные истории.

Хотя женщины и не питали ненависти к Наполеону, как он предполагал, но все они в большей или меньшей степени чувствовали перед ним некоторый страх. Он мог их иногда публично поставить в самое неловкое положение. Во время приемов каждая дама со страхом ждала того момента, когда император заговорит с ней. Он делал им нелестные комплименты по поводу их туалета и выдавал перед всеми их тайны. Это была его манера исправлять нравы при своем дворе. Молодая девушка могла ожидать, что ее спросят, сколько у нее детей. Молодых женщин он спрашивал, в котором месяце счастливого ожидания они находятся, а старым дамам он говорил в глаза, что они, по всей вероятности, не долго будут собираться на тот свет. Если дама была некрасива или не в его вкусе, то он говорил ей, когда она представлялась ему: «Боже мой, мадам, мне говорили, что вы недурны собой». У него не было дара сразу найти тот легкий тон, которым в ничего не значащих словах можно сказать любезность, польстить самолюбию, – того дара, которым в высшей степени обладал его брат Люсьен. Наполеону ничего не стоило заявить при всем придворном обществе одной даме, которая не положила себе румян на щеки: «Мадам, пойдите и подрумяньтесь, а то вы похожи на труп». Или: «Почему вы такая

бледная? Или вы только что встали после родов?». Несомненно, подобные вопросы были очень грубы, и никто не станет утверждать обратное.

И все же этот человек, который в официальной жизни казался такого крутого нрава, который отворачивался от любви, как от вредоносного элемента, который, казалось, так низко ставил женщин, – все же этот человек обладал страстным, жаждущим любви сердцем. Все же писал он самые нежные, самые пламенные письма, какие когда-либо писались любимой женщине. Все же он, который утверждал, что «любовь не больше, как бессмысленные мечты», был снедаем ревнивой страстью, когда в Италии напрасно ждал приезда Жозефины. Все же знал он мучения ревности, когда в сирийских пустынях убедился в неверности своей Жозефины.

Жозефина! Эта женщина одна владела его сердцем; она одна имела влияние на него. Ее любил он, несмотря на разницу их возраста. С ней он был то ревнив и строг, то нежен и доверчив. И она, в свою очередь, понимала его, как никакая другая женщина. С поразительной кротостью сносила она все его дурные настроения и часто побеждала их своей добротой и своими слезами. Наполеон сам признается: «Я никогда не был влюблен, разве только в Жозефину». И если и были женщины помимо нее, как графиня Валевская или актриса Жорж, мадам Фурес, мадам Дюшатель и Карлотта Гаццани, которые пользовались его расположением дольше, чем многие другие, то все же они никогда не могли похвалиться, что когда-либо имели какое-нибудь влияние на его частную жизнь или же государственные дела. Он всегда оставался верен своему основному положению: «Глупец тот человек, который допускает, чтобы над ним властвовала женщина!». Любимым выражением его было также: «Впечатлительность – это дело женщин; мужчина же должен быть тверд в своих чувствах и намерениях, иначе он должен совершенно отказаться от всяких военных и правительственных начинаний».

Значит ли это, что Наполеон был тираном, грубым деспотом по отношению к тем женщинам, которые были близки ему? Видимость говорит против него, и все же мы должны ответить «нет». Он был мужчина, и, однако, несмотря на его взгляды, по которым можно было бы сделать обратный вывод, он все-таки не был лишен впечатлительности. Кроткий голос, нежное слово, слеза могли заставить задрожать в его сердце чувствительную струну, которая выдавала его впечатлительность. «Я ненавижу женщин-интриганок, – писал он 6 ноября 1806 года из Берлина Жозефине, – я привык к добрым и кротким женщинам, и только таких я люблю». И если бы г-жа фон-Гацфельд выступила не с кротостью и скромностью на защиту своего мужа, ей никогда не удалось бы спасти его жизнь.

Если Наполеон иногда и не считался с Жозефиной и не только не скрывал от нее своих любовных приключений, но даже не принимал мер к тому, чтобы она о них не узнала, или если он, как только у него была возлюбленная, становился менее нежным по отношению к своей жене, то причиной этого является скорее странная особенность его характера, не имеющая ничего общего с жестокостью. Если он видел, что она плачет, он был уже побежден и его нежности не было предела. Подобные порывы невозможны для действительно грубого существа; действительно грубый и жестокий человек тешится горем женщины, которая страдает из-за него. Нет, Наполеон не был бесчувственным человеком. Иначе он не мог бы написать в «Discours de Lyon»: «Чувство – это тесно связующий элемент в жизни, в обществе, в любви и в дружбе». В чувстве он видел источник всех радостей и горестей жизни. Только бессильного, бессодержательного человека он считал неспособным испытывать какое-либо чувство.

Но такой натуре, как Наполеон, была невыносима даже малейшая видимость желания властвовать со стороны женщины. Когда Жозефина, терзаемая ревностью, написала ему полное упреков письмо во время его пребывания в Позене в 1806 году и жаловалась, зачем он не позволяет ей приехать к нему, он ответил ей: «О, вы, женщины! Для вас нет никаких преград! Чего вы хотите, то должно быть непременно предоставлено вам. Но я, я заявляю, что я – последний раб среди всех людей. Мой повелитель не имеет сердца в груди, и этот повелитель зовется: сила обстоятельств».

Да, это был единственный повелитель, которого Наполеон признавал выше себя и под властью которого он, наконец, изнемог. Но любовь, женщины, никогда они не властвовали над ним.

Однажды на острове Св. Елены, в кругу своих товарищей по изгнанию, он сказал наполовину в шутку, наполовину серьезно: «Мы, жители Запада, в сущности совершенно не знаем, что такое женщина. Мы все испортили тем, что слишком хорошо обращаемся с ней. Мы сделали большую ошибку, подняв ее почти на ту же ступень, на которой стоим сами. Жители Востока были куда умнее и проникательнее нас. Они объявили, что женщина – собственность мужчины, и действительно, сама природа создала ее нашей рабой. Только вследствие наших собственных превратных взглядов женщины дерзают утверждать, что они наши повелительницы. Они злоупотребляют своими кое-какими преимуществами, чтобы обольщать нас и господствовать над нами. Если когда-нибудь какая из них действительно вдохновит нас на хорошее, то в противовес существуют сотни, которые заставляют нас делать только глупости».

Однако, высказывая подобные афоризмы, Наполеон был искренен лишь наполовину; он говорил так главным образом для того, чтобы подразнить мадам Монтолон и мадам Бертран.

Некоторые утверждали, что Наполеон был развратный, разнузданный человек. Поддерживать подобное мнение было бы столь же неосновательно, как и несправедливо, и из дальнейшего мы увидим, насколько оно согласуется с истиной.

Несомненно, Наполеон не был лишен ни известных слабостей, ни ошибок. У него были любовницы, он нарушал супружескую верность и заставлял нарушать ее других, он срывал на своем пути немало цветов и потом бросал их с пренебрежением. Где же, однако, существует совершенство на свете? Даже на золотом диске солнца и то есть темные пятна. Он был достаточно велик, чтобы иметь право делать ошибки. Но ошибки и слабости – это все еще далеко от распутства и разнузданности. Уже один склад его характера не мог допустить его до подобных крайностей и был причиной того, что в интимных отношениях с женщинами он вел себя скорее сдержанно, чем вызывающе. Стыдливость он считал высшей добродетелью женщины. «Стыдливость, – говорил он, – для женщины то же, что для мужчины храбрость; я презираю одинаково как труса, так и бесстыдную женщину».

Немыслимо, чтобы человек, высказывающий подобные взгляды, мог быть настолько груб, как его изображали и изображают до сих пор. Хотя в некоторых случаях, как, например, в отношении королевы Луизы в Тильзите, в отношении мадам де-Сталь и мадам де-Шеврез, а также, может быть, в отношении той или иной дамы своего двора он и вел себя далеко не безупречно, но эти исключения никоим образом не составляют правила. Причины этому совершенно иного происхождения. Он не любил женщин, вмешивающихся в политику, не любил женщин типа синего чулка, ни женщин с прошлым или намеревающихся создать себе таковое. «Пускай лучше, – говорил он статскому советнику Редереру, – женщины занимаются рукоделием, чем точат свой язык, особенно если они хотят вмешиваться в политику... Государства гибнут, как только женщины забирают в свои руки общественные дела. Франция была погублена королевой (Марией-Антуанеттой). Что касается меня, то мне достаточно, чтобы моя жена захотела чего-нибудь, чтобы я сделал как раз наоборот». Так же и в другом случае, а именно когда он пустил по Европе знаменитый 29-й бюллетень Великой Армии, он писал: «Находящиеся в Шарлоттенбурге бумаги докажут, насколько несчастны те правители, которые поддаются влиянию женщин в политических делах».

Поэтому-то ни королева Луиза, которая со своей ангельски чистой красотой казалась ему весьма привлекательной, ни умная мадам де-Сталь ничего не могли добиться от него.

Нам хочется быть справедливыми к французскому императору. Ему, который беспрестанно был занят все новыми и новыми планами, которого часами серьезная работа держала в его рабочем кабинете, необъятный гений которого рождал все новые, все более поразительные проекты и приводил их в исполнение, ему оставалось слишком мало времени заниматься жен-

щиной и ее особенностями. Короткое время его юности, которое он употреблял, так сказать, на теоретическое изучение женщины, было слишком недостаточно, чтобы сделать его знатком в этой области. А на практике он ничего не мог изучить, так как он не был соблазнителем женщин. Для этого тоже нужен досуг, а его у Наполеона не было никогда, даже в бытность его лейтенантом. Работа была его стихия. Ему некогда было ознакомиться с вкрадчивым языком обольщения, со всеми тонкостями и изяществом обширного эротического словаря, со всем тем, чего ищет и чего требует женщина в любви. Вот почему у Наполеона, в сущности, никогда не было настоящей возлюбленной.

Если же у него иногда оставалось свободное время, которое он мог уделить женщине, то он долго не раздумывал, а шел прямо к цели, без обиняков и без сентиментальных прелюдий. Работа, слава – вот что было прежде всего. Оттого-то он однажды в Италии прогнал среди ночи шестнадцатилетнюю девушку, – «прелестную, как день», по словам Шатобриана, – как выбрасывают в окно нежный цветок, потому что, может быть, он занимает слишком много места на рабочем столе. Отсюда и его пренебрежение к тому чувству, которое делает, что сердцу становится тесно в груди. Отсюда та безжалостность, с которой он однажды заставил актрису Дюшену почти оконечить в холодной спальне, ожидая его, и которую он тотчас же усладил домой, потому что она рискнула напомнить ему о том, что ей холодно. Отсюда, может быть, и та нечувственность, с которой он не скрывал от Жозефины своих измен. Он сам рассказывал ей о своих приключениях и не терпел, чтобы она жаловалась. «Если мужчина изменяет, – говорил он, – то он может сознаться в этом без раскаяния; его измена не оставит на нем после себя ни малейшего следа. Женщина хоть сначала и посердится, но потом всегда простит; часто она при этом даже выигрывает. Не то бывает при измене женщины. Поможет ли чему-нибудь то, что она сознается в своей ошибке, не раскаиваясь в ней? Кто может поручиться, что ее поступок не оставил после себя следа? Беды тогда ничем нельзя поправить, и поэтому она не должна и не может делать того же самого, что делает мужчина. Впрочем, в этом различии между мужчиной и женщиной нет ничего унижительного для последней. Каждый имеет свои свойства и свои обязанности. Свойство женщины – красота, приятность, искусство нравиться; ее обязанности: преданность и верность». Свои же уклонения со стези верности он всегда любил оправдывать лишь словами: «Я не такой человек, как другие, и общепринятые законы морали и благопристойности неприменимы ко мне».

Тем не менее были и такие женщины, которые с особенным удовольствием подчеркивали любезность и галантность Наполеона, как, например, супруга австрийского посланника графа Меттерниха. «Он сделал мне много лестных комплиментов по поводу моей бриллиантовой застёжки и моего платья из золотой парчи», – писала она своему мужу после одного из приемов в Тюильри, где она была привлечена к участию в императорской игре. А супруге астронома Лаланда генерал Бонапарт писал из Италии: «Провести ночь с прекрасной женщиной под прекрасным небом, усеянным звездами, представляется мне величайшим счастьем на земле».

Конечно, Наполеон мог быть галантным, но галантность не была основным качеством его натуры. Добродетели и преимущества женщины объединялись для него в понятии матери и хозяйки, все же остальное казалось ему побочным, если не совсем излишним. В этом отношении он был истым корсиканцем. Может быть, эти понятия выросли и укрепились в нем с детства под влиянием примера его собственной матери. «Петиция в течение двадцати одного года супружеской жизни родила своему мужу тринадцать детей, и тем восьми, которые остались в живых, она всегда была чудной матерью. С какой гордостью, с каким детским обожанием говорил пленный император об этой матери! «Она умела наказывать и награждать, – говорил он, – она искореняла в нас все низменные чувства, потому что она питала к ним истинное отвращение. Только великое, только возвышенное допускала она к своим детям»... И не дал ли также покоритель Италии свой знаменитый ответ мадам де-Сталь на ее вопрос, кого он считает пер-

вой женщиной во Франции: «Ту, которая больше всех народила детей своему мужу, мадам». Только тогда он начинал ценить и уважать женщину, когда она делалась матерью.

Подобные взгляды Наполеона вполне объясняют нам причины его развода с Жозефиной, которую если он и не любил уже с первой юношеской страстью, то к которой единственной он был все-таки искренно привязан. Если бы она дала ему детей, если бы она подарила ему хоть единственного сына, он, как перед святой, склонился бы к ее ногам. Ее детям, Евгению и Гортензии, он всегда был добрым отцом и любил их с настоящей отеческой нежностью. Когда у Гортензии родился ее первый сын, Наполеон осыпал его своими заботами и нежностью. Он видел в нем вероятного наследника своего трона и любил его как своего собственного сына. Слухи, которые циркулировали по поводу отношений императора к своей падчерице, лишены всякого основания. Он видел в этом ребенке, сыне своего брата, лишь наследника своей расы, достойного продолжателя его имени и его династии.

Брак был для него единственно допустимым способом связи между мужчиной и женщиной, и цель жизни всех людей состояла для него в том, чтобы иметь много детей. Только для самого себя он делал исключение, только у него одного была в виду еще и другая цель: мировое господство. У него была настоящая мания всех женить и выдавать замуж. Никогда ни один властелин не устраивал при своем дворе такого количества браков, как Наполеон. Он женил своих братьев, выдавал замуж сестер, женил своих генералов, своих министров и высших чиновников; и многим для обсуждения этого важного шага было дано не больше двадцати четырех часов. Но он не упускал из виду молодоженов, и если у них появлялись дети, особенно мальчики, то тогда они вполне могли быть уверены в его милостивом внимании.

Однако Наполеон не удостоивал полного доверия женщину, даже если она была супругой и матерью. Верность не представлялась ему неприкосновенной добродетелью женщины. Весьма возможно, что горький опыт с Жозефиной сделал его таким недоверчивым. Сама Мария-Луиза, которая во время своей брачной жизни с Наполеоном, несомненно, не имела понятия о любовных интригах, должна была примириться с самым строгим надзором со стороны своего супруга. Ни один мужчина не смел вступать в ее покои без разрешения императора, и то в присутствии нескольких или по меньшей мере одной придворной дамы. Те, которые думают, что в данном случае слепая ревность руководила поступками Наполеона, глубоко ошибаются. Он знал ревнивую страсть только в начале своей любви к Жозефине, да разве еще в Египте его заставила испытать ее хорошенькая мадам Фурес. Когда он узнал, что генерал Клебер явился его счастливым преемником в расположении красавицы, то ему показалось, что эта мысль «разорвет ему мозг», как картинно выражается мадам Жюно.

Но не ревность понуждала его к усиленному надзору за Марией-Луизой. С того момента, как он вступил в брак с настоящей принцессой крови, он употребил все усилия к тому, чтобы не допустить никаких двусмысленных положений при дворе. Ни при каких обстоятельствах он не потерпел бы, чтобы на императрицу, на мать его сына, упала хотя бы тень подозрения. Наученный опытом с Жозефиной, он составил себе совершенно особое представление о супружеской неверности и любил говорить: «L'adultere n'est pas un phenomene, mais une affaire de canapé; il est tout commun».

Он был крайне строг ко всему, что грешило против семейной морали и добрых нравов. Свободное сожительство, которое во времена революции сделалось общераспространенным явлением, было для него недопустимой безнравственностью. В этом отношении он не сделал даже исключения для Бертье, которого дарил полной своей благосклонностью. Возлюбленная Бертье, мадам Висконти, никогда не смела появляться при императорском дворе, хотя по своему рождению и рангу она имела на это полное право. Тому же запрещению была подвергнута и жена Талейрана, мадам Грант. Она жила с министром до своего брака с ним, и этого было достаточно для Наполеона, чтобы не допускать ее к своему двору. В своих взглядах на мораль он заходил так далеко, что не разрешил воздвигнуть памятник одной замечательной женщине,

сделавшей Франции столько добра, знаменитой Агнесе Сорель, и только потому, что она была не женой, а возлюбленной короля.

Наполеон брал от женщины все, что она может дать, но сам никогда не отдавался ей. Вследствие его совершенно особого духовного склада никогда не могло быть сходства между ним и какой-либо женщиной. О духовной общности не могло быть и речи, иначе это была бы женщина, возвысившаяся почти до одинакового с ним уровня. И тогда, значит, это была бы одна из тех женщин, которых он не терпел, которая в том или ином отношении чувствовала бы свое превосходство над мужчиной и любила бы его именно за это свое превосходство над ним. Нет, подобной жены или возлюбленной не мог иметь такой человек, как Наполеон, пока он был властелином мира. Позднее, когда он кончал свои дни на пустынной скале среди океана, он мог бы найти себе подобную утешительницу, но он проглядел ее в надежде, что единственная женщина, которую покинутый император так страстно ожидал, мать его сына, его «добрая Луиза», придет скрасить его последние дни. Но она не пришла. Итак, Наполеону не суждено было применить на практике ту теорию, которую он юношей излагал в «Discours de Lyon». «Женщина, – говорит он там, – необходима для животной организации мужчины, но еще более она нужна для его духовной организации. Она является для него естественной, нарочито для него созданной подругой. Поэтому он должен принять ее ради нее самой и быть неразлучным с ней. Он должен отождествить себя с ней, слить свое сердце воедино с ее сердцем. И тогда оба они, взаимно защищенные от необузданности похотей, могут полнее наслаждаться радостями жизни. Сладость единения делает еще прекраснее мечтания, смягчает горести, придает больше разнообразия радостям жизни и делает плодороднее обширное поле восприятий».

Мог ли человек, написавший эти строки, быть действительно грубо-развратным? Нет. Только внешние обстоятельства, его совершенно обособленное положение среди внешнего мира и людей, сделали то, что его поведение по отношению к женщинам является нам иногда в подобном свете. Его неустанная умственная деятельность поглощала все его время и не позволила его впечатлительной способности постепенно развиваться и дойти до тончайших ее проявлений. Он был слишком велик, чтобы любить как человек, и слишком мал, чтобы быть любимым как божество.

Ни в одном из любовных эпизодов Наполеона, кроме разве только его любви к Жозефине, мы не находим ни преувеличенной чувственности, ни страсти, ни все забывающей преданности. Для этого великого человека, который ниспровергал троны и вновь создавал их, ни одна женщина не была путеводной звездой. То жгучее пламя, которое дико и неудержимо прорывалось в его первых письмах к несравненной Жозефине, было только подобно потоку лавы из свежего кратера; kloкочущий и палящий, он вырывается из недр земли с неудержимой силой, но, постепенно охлаждаясь, он течет по склону горы уже спокойнее и равномернее и, наконец, остывает совершенно.

На первый взгляд Наполеон представляется нам каким-то двойственным существом. Великие и благородные свойства уживаются в нем рядом с недостойными и низменными. Он, такой простой в своих нравах и привычках, окружает свой двор почти восточной роскошью. Он, такой бескорыстный и неэгоистичный в частной жизни, не знает ничего более очаровательного, как неограниченная власть. Он любит одиночество, ничем не нарушаемый покой философа и, однако, сидит на троне, отдавая тем самым свои поступки, свои чувства и мысли общественности. Словом, он объединяет в себе самые противоречивые свойства и является нам освещенным двойным светом, отблески которого, с одной стороны, восхищают нас, а с другой – отбрасывают такие черные тени, что делается даже жутко.

Но еще раз мы находим нужным повторить: если в жизни великого императора женщина и играла подчиненную роль, то все же по отношению к ней он не был грубым тираном; не был он также ни разнузданным человеком, ни развратником. Его известная жестокость была следствием того, что перед глазами его всегда была одна цель, но он не был при этом ни злым, ни

дурным человеком. Он обладал слишком сильным характером для того, чтобы быть дурным. Его собственные любовницы, которым, если ему некогда было немедленно заняться с ними, он отдавал приказание раздеваться и ждать его в спальне, отдают ему должную справедливость. Актриса Жорж пишет о нем: «Императора обвиняли в том, что он резок и груб. Это чистейшая клевета, как тысячи других!.. Император, по крайней мере со мной, был всегда добр, весел, ну совершенно как ребенок. Часы летели с ним незаметно, и часто мы были удивлены, что настал уже день». А другая женщина, Ида де-Сент-Эльм, писала несколько лет спустя после смерти Наполеона: «Часто ему приписывали крутость нрава, граничащую со зверской грубостью. Только ненависть и зависть способны продиктовать подобные суждения. Конечно, Наполеон не был большим любезником, но его галантность, если и несколько иного свойства, чем у обыкновенных мужчин, была тем более лестной. Она нравилась, потому что носила его индивидуальный характер. Он не говорил женщине, что она красива, но с тонким чутьем художника детально разбирал ее преимущества».

Несомненно, что Наполеон был доступен всем человеческим страстям и чувствам. Изумительна организация человека, который с величайшим хладнокровием совершает поступки, казавшиеся другим бесчеловечными, и однако способен поддаться очарованию нежного существа, милой, кроткой женщины, любезного, вежливого слова. Но этот впечатлительный корсиканец был обуреваем ненасытным честолюбием, которое является природным импульсом у человека, рожденного повелевать. Перед ним должны отступить все другие чувства, которые, может быть, при иных условиях выступили бы на первый план.

Глава II

Женщины юности Наполеона

Не всегда Наполеон был в юности тем нелюдимым офицером, каким его преднамеренно изображает большинство его биографов для того, чтобы или выставить его как исключительный характер, или приписать ему еще лишний недостаток. Было такое время, когда он не удалялся от общества и отнюдь не чуждался увеселений своих товарищей. Если он иногда действительно и отказывался от тех развлечений, которые они позволяли себе, то причиной этому были скорее его ограниченные денежные средства, нежели свойства его характера. Он был беден. Восемьсот франков офицерского жалования, двести франков пенсии, как бывшему воспитаннику парижской военной школы, и сто пятьдесят франков квартирных денег – в общем тысяча сто пятьдесят франков в год, – вот все, чем он должен был покрывать все потребности своей жизни. Немного денег оставалось ему на побочные расходы, которые неизбежно являются в жизни офицера. Это особенно сказывалось на его одежде. Он всегда был одет небрежно, в неопрятное и поношенное платье. Он резко отличался от многих своих знатных товарищей по полку Ла-Фер. Те немногие гроши, которые ему оставались, он предпочитал истратить на покупку книг, нежели на свое форменное платье.

Несмотря на это, Наполеон вскоре завязал знакомства и отношения в своем первом гарнизоне в Валенсии. Конечно, вначале он был застенчив, меланхоличен, всецело занят своими книгами и думами о родине и о семье, но мало-помалу он все-таки разошелся. В его маленькой, худой и гибкой фигурке, в его желтоватом, похожем на пергамент лице и в серьезных серых глазах было что-то решительное, что не вязалось с его застенчивыми манерами. Слишком большая голова для его маленького роста – характерная черта всей семьи Бонапарт – отличалась благородной чистотой линий: высокий, прекрасной формы лоб, тонкий, слегка горбатый нос с подвижными ноздрями и рот с неотразимо-очаровательной улыбкой. В его взгляде сверкали все молнии внутренних бурь, потрясавших его страстное существо. Когда он говорил, вся его странная фигура казалась объятай внутренним пламенем и слова казались недостаточными, чтобы выразить то, что он чувствовал.

Те, кому приходилось впервые встречаться с ним в обществе, составляли себе о нем мнение как о мизантропе и ипохондрике, который не интересуется ничем, кроме своей службы и своих книг, – настолько сдержан и замкнут был он со всеми при первом знакомстве. Но в этом молодом, с виду таком нелюдимом и недоверчивом корсиканце таилась быстрая впечатлительность, которая проявлялась при самом легком прикосновении. По своей истинной натуре он был смелого и легко возбудимого темперамента. В его характере совмещались самые разительные противоположности. От величайшего одушевления он мог внезапно перейти к самой ледяной сдержанности.

Две великие страсти владели душой молодого офицера: любовь к своему отечеству и семье и любовь к Руссо. Его Корсика, его семья и женевский философ заполняли все его мысли и чувства. В этом семнадцатилетнем сердце, уже отягченном заботами о близких ему людях, женщина занимала еще очень мало места. Он еще совершенно не знал ее. С Корсики он увез с собой только воспоминание о своей матери, бабушке Саверии, тетке Гертруде да о старой кормилице Камилле Илари. Как бы закутанный серым туманом являлся ему еще образ маленькой подруги его детских игр Джакоминетты, которой так часто дразнили его мальчишки и девочки в Аяччио. Он помнил, как они пели:

Napoleone di mezza calzetta
Fa l'amore a Giacominetta!

когда он, как взрослый, со всей важностью прогуливался с ней по улице около родительского дома.

Но все это было давно. Его маленькая подруга умерла. В Бриенне и в Париже он жил почти в монастырской суровости школьного режима и посвящал все время на свое духовное развитие. Теперь все было иначе. Телесные упражнения, связанные со службой, благотворно повлияли на его здоровье. Хотя практическое изучение того дела, которому он посвятил себя, и теперь еще достаточно поглощало его, но тем не менее он мог уже наслаждаться и долей свободы. Он был офицер, молодой человек, перед которым впервые открывались двери общества с его развлечениями. Он знакомился с людьми и постепенно утрачивал свою застенчивость и недоверчивость.

При посредстве марбефского епископа, брата бывшего губернатора Корсики и покровителя семьи Бонапарт, Наполеон познакомился в Валенсии с монсиньором Тардивон, аббатом Сен-Рюф. В его гостеприимном доме он сразу очутился в целом кругу любезных дам и девушек. Г-жа Грегуар дю-Коломбье, ее дочь Каролина, мадемуазель де-Лорансен, мать и дочь Лобери де-Сен-Жермен и многие другие были представлены юному поручику.

Г-жа дю-Коломбье, дама лет под пятьдесят, «весьма почтенная», как гласит «*Mémorial de Sainte-Hélène*», сумела очень скоро оценить по достоинству застенчивого и в то же время самоуверенного юношу. Она принадлежала к числу тех духовно одаренных и умных женщин, о которых Руссо говорит, что «их интересная и полезная беседа более способствует развитию молодого человека, нежели весь педантизм книжной и школьной мудрости». Наполеон особенно поразил ее своим развитием и своими познаниями, которые резко отличали его от других молодых людей его возраста. Его манеры были серьезны, сам он то проявлял живость и импульсивность, то был сдержан и робок, при этом обнаруживал большую впечатлительность и способность увлекаться. Его манера говорить, его корсиканский акцент, его взгляды, вполне зрелые для его юного возраста, – все в нем было интересно. К тому же этот меланхолический юноша, съедаемый тоской по родине, возбуждал невольное сочувствие, особенно среди женщин.

Г-жа дю-Коломбье часто приглашала Наполеона в свое имение Бассо, которое было в двенадцати километрах от Валенсии. И всегда Наполеон совершал этот не ближний путь пешком, потому что был слишком беден, чтобы нанять экипаж. Там он заставал в сборе все лучшее общество Валенсии. Салон г-жи дю-Коломбье считался одним из самых элегантных во всем округе. Она сама держала себя по отношению к Наполеону чисто по-матерински и очень часто давала ему добрые советы. Так, например, позднее, когда разразилась революция, она говорила ему: «Не эмигрируйте! Уйти нет ничего проще и легче, но неизвестно, легко ли будет вернуться назад». И Наполеон возразил ей тогда, что лучше быть обязанным маршальским посохом своему народу, нежели чужим.

Лейтенант Бонапарт был в первом расцвете своей юности. Потребность любви и нежности таилась в его юном сердце, несмотря на все его теоретическое отрицание любви. У г-жи дю-Коломбье была дочь, такая же юная, как и он сам. Во фруктовом саду Бассо в теплых лучах июньского солнца созревали первые черешни. В фантазии Наполеона жили герои романа Руссо, ему хотелось походить на них. Как они, он рвал для Каролины Коломбье красные плоды и клал ей их в свежие румяные губы. И так же, как герои романа женеvского философа, он шептал в душе: «О, если бы мои губы были этими черешнями!». Это было первое нежное чувство юноши к женщине, еще робкое и боязливое в своих проявлениях.

В Валенсии есть портрет Каролины. Большие темные глаза, густые черные волосы, нежная, прозрачная кожа и чуть-чуть слишком полные свежие губы придают всему ее юному облику выражение миловидности и доброты, хотя ее отнюдь нельзя назвать очень красивой. Даже императору нечего было стыдиться такой первой любви. Представим только себе рядом с

ней, под старым черешневым деревом с корявым стволом, Наполеона в темной форме артиллериста, с его худым лицом, в котором глаза, казалось, были все! Человек, который несколько лет спустя должен был сделаться господином над всей Францией, переживал здесь с этим хорошеньким милым ребенком свою первую любовную идилию, которая со всей своей свежестью и поэзией доносится до нас как легкое дуновение весеннего ветерка. Свежей и поэтичной сохранилась она в воспоминаниях императора. И когда на острове Св. Елены медленно влачили для него мрачные дни изгнания, тогда он не раз возвращался мыслями к той радостной, невинной поре юности, когда он рвал черешни для Каролины дю-Коломбье. «Мы назначали друг другу маленькие свидания, – рассказывал он, – особенно мне памятно одно, летом, на рассвете. И кто может поверить, что все наше счастье состояло в том, что мы вместе ели черешни!»

Наполеон не был единственным поклонником молодой девушки. Трое из его товарищей по полку, лейтенанты де-Менуар, Раже де-Фонтаниль и Эрме де-Винье, также добивались благосклонности и руки Каролины. Наконец, бывший капитан Лотарингского полка Гарампель де-Брессье сделался ее супругом.

Говорили, что Брессье «отбил» у Бонапарта мадемуазель дю-Коломбье. Но об этом не может быть и речи. Де-Брессье женился на Каролине только шесть лет спустя, 31 марта 1792 года, когда Наполеон только что вторично уехал из Валенсии. И хотя во время своего вторичного пребывания в гарнизоне он и встречался с Каролиной дю-Коломбье, но в ней для Наполеона уже не было прежнего очарования, как пять лет тому назад. Черешни в Бассо, по-видимому, уже были не так вкусны. И когда год спустя де-Брессье увозил с собой молодую девушку как свою жену, сердце Каролины было совершенно свободно. Да и разве мог отвергнутый влюбленный поступать так, как поступал впоследствии император? Он назначил г-жу де-Брессье, урожденную дю-Коломбье, придворной дамой при своей матери, а г-на де-Брессье главноуправляющим лесного ведомства. В 1810 году он дал ему титул имперского барона.

Ни Каролине, ни какой-либо другой женщине не пришлось пожалеть, что они встретились на пути Наполеона в его юности. Все они могли быть уверены в его благодарности, если они хоть когда-нибудь проявили по отношению к нему доброту и ласковость. Даже если у него и были основания для недовольства, то все же воспоминание об одном лишь ласковом взгляде, об одном нежном слове заставляло его забывать все. Отношения и знакомства, которые у него завязались в бытность его лейтенантом, надолго сохранились в его воспоминаниях, и он охотно говорил о них, когда к тому представлялся удобный случай. Так, в 1804 году в своем ответном письме к Каролине, которая обратилась к нему с просьбой оказать покровительство ее брату и напоминала прежние дни своему бывшему вздыхателю, теперь достигшему славы и почестей, он писал ей немедленно из Булонского лагеря:

«Мадам, ваше письмо доставило мне большое удовольствие. Я очень часто и с большой охотой вспоминал вас и вашу матушку. Я воспользуюсь первым же случаем, чтобы быть полезным вашему брату. Из вашего письма я заключаю, что вы живете вблизи Лиона, и я должен по справедливости упрекнуть вас, что вы не посетили меня во время моего пребывания там, потому что мне всегда было бы большим удовольствием повидаться с вами. Примите уверения в моем искреннем желании быть вам всегда приятным и оказывать всяческие услуги.

Пон де-Брик (Булонский лагерь), 2 Фруктидора XII года (20 августа 1804 года). Наполеон».

Когда он полтора года спустя отправлялся в Италию для коронования и его путь лежал через Лион, он снова увидался с Каролиной. Но какое разочарование! Перемена, произошедшая в ее внешности, была прямо поразительна. Сам Наполеон признается, что она «яростно» (*furieusement*) изменилась. Герцогиня Абрантесская, точно так же не находя Каролину красивой, отдает ей, однако, должную справедливость, говоря, что г-жа де-Брессье обла-

дает двумя качествами: она умна и добра и в своих манерах отличается простотой и приятностью настоящей аристократки.

Предположение, что молодой Бонапарт имел на Каролину дю-Коломбье матримониальные виды, абсолютно ничем не подтверждается и, кроме того, невозможно в виду его крайне юного возраста. Его отношения к Каролине были и остаются только деревенской идиллией в пору созревания черешни. Сентиментальный сон быстро кончился, как и не могло быть иначе с Наполеоном. Человек дела не был создан для любовных дурачеств. Флирт пришел к концу – и это было в порядке вещей. Если бы Наполеон женился на Каролине, то, может быть, вместо того, чтобы вести войну с государями и народами, он сделался бы добрым помещиком. Но его задачей было сеять не хлебные семена на полях какой-нибудь французской провинции, а разбрасывать свои идеи на все четыре ветра, чтобы они пустили корни во всех уголках мира.

Одновременно, в период своего знакомства с Каролиной, он ухаживал еще за двумя девушками – за молоденькой помещицкой дочерью Мион-Деплас и за очаровательной де-Сен-Жермен. В угоду им он брал уроки танцев у танцмейстера Дотеля в Валенсии, потому что любимец Марса отнюдь не был любимцем музыки Терпсихоры. Конечно, валенсийскому профессору хореографии, равно как и учителю танцев в парижской военной школе, не удалось научить этому искусству молодого Бонапарта, и на всю свою жизнь он остался очень плохим танцором. Особенно ему не удавался вальс. Уже после двух-трех оборотов у него начинала кружиться голова. Когда в 1809 году в угоду Марии-Луизе он еще раз попытался овладеть искусством танцев, так как он знал, что австриячки больше всего на свете любят вальс, то своими неловкими и смешными движениями он вызвал самую неудержимую веселость у королевы голландской Гортензии и наследной принцессы баденской Стефании. Стефания остановила его со смехом и сказала: «Довольно, ваше величество, вы меня вполне убедили, что вы навсегда останетесь плохим учеником. Ваше призвание поучать других, а не учиться самому».

Но в кадрилях Наполеон охотно принимал участие, даже и позднее, когда был уже консулом и императором. Когда танцмейстер Дотель, бывший во времена революции почтовым чиновником, в 1808 году впал в нищету, ему пришла счастливая мысль обратиться к императору в остроумной форме. «Ваше величество, – писал он, – человек, который учил вас первым шагам в свете, поручает себя вашему великодушию». Ответ не замедлил явиться: он получил пост податного контролера.

Девушка де-Сен-Жермен, на которую лейтенант Бонапарт якобы тоже имел брачные виды, предпочла ему своего кузена, некоего г-на де-Монталиве, которого впоследствии император назначил префектом департаментов Сены и Уазы, затем главным директором мостов и шоссейных дорог и, наконец, министром внутренних дел с возведением в графское достоинство и с окладом жалованья в 80000 франков. Самой г-же Монталиве Наполеон тоже хотел дать блестящее положение при своем дворе и назначил ее в 1806 году придворной дамой императрицы Жозефины. Но г-жа Монталиве отклонила это назначение: она хотела быть женой своему мужу и матерью своим детям, а в качестве придворной дамы ей пришлось бы неаккуратно выполнять свои прямые обязанности. Император, не привыкший встречать сопротивление своей воле, отнесся с уважением к этим доводам, но назначения своего все-таки не отменил, разрешив ей только не нести никаких обязанностей, связанных со званием придворной дамы. Она должна была только пользоваться удовольствиями и материальными преимуществами, связанными с этим рангом.

На лейтенанта Бонапарта этот флирт с валенсийскими барышнями не произвел глубокого впечатления. Родина и семья гораздо сильнее владели его душой. Его тоска по родному острову, где, как он выражался, он «снова зажил бы жизнью сердца, прожив такое долгое время одним только разумом», нашла, наконец, выход, когда он получил свой первый отпуск. В половине сентября 1786 года он вновь увидел скалы своей родной Корсики. Когда корабль приближался к берегу, привозя родине ее верного сына, ему казалось, что он чувствует пряный аромат

родной страны. Дома он жил только для своей семьи. Он совершенно отдался своим мечтам и планам будущего. Никакого следа женщины и ее влияния не находим мы за этот период времени его отпуска.

Наконец, в начале октября 1787 года ему удалось ближе познакомиться с Парижем. Так как его письменные попытки с целью улучшить материальное положение своей семьи оставались безуспешными, то он решился лично толкнуться в двери сильных мира сего, которые держали в руках судьбу его семьи и его самого. В бытность свою учеником военной школы он очень мало видел столицу. Дисциплина была очень строга, и ни один из кадетов не имел права выходить без сопровождения унтер-офицера. Теперь все было иначе. Теперь Наполеон Бонапарт был предоставлен самому себе в этом огромном городе.

Сообразно со своими ограниченными средствами он остановился в очень скромном «Шербургском отеле», на улице Фур-Сент-Оноре. Но его личные просьбы и усилия улучшить положение своей семьи были не счастливее его письменных попыток. Ему давали уклончивые ответы, откладывали его дело в долгий ящик, и молодой офицер напрасно томился в ожидании в этом огромном Париже, где у него не было ни друзей, ни протекции.

Париж, о котором Наполеон писал впоследствии: «Женщине нужно только провести полгода здесь, чтобы узнать, где ее царство», – Париж был исконным Эльдорадо женщины. Бонапарту было восемнадцать лет, и он в первый раз очутился один на этой мостовой, которая для каждого юноши, приехавшего из провинции, имеет неотразимую притягательную силу. Женщина здесь самодержавная владычица, ее ароматом пропитан и воздух бульваров, и все предметы, и люди. Шелест ее платьев звучит подобно музыке, а ее глаза иллюстрируют ее живым языком взглядов. Странная, таинственная сила исходит от нее и действует на юношей, как дурман. Женщина повсюду: на променаде, в публичных садах, в кафе, в ресторанах, в театрах и концертах, и всюду она играет первенствующую роль.

Женщина для Наполеона была совершенно областью неведомого. В маленьком гарнизоне, где все знали друг друга, ни один офицер не позволил бы себе никакой вольности из боязни не быть больше принятым в обществе. Но здесь, в Париже! В первый раз змей-искуситель стал нашептывать Наполеону соблазнительные слова. Неотразимые чары неведомого, желание знать, наконец, увлекают Наполеона после спектакля в итальянском театре к Пале-Руайаль, служившему в те времена излюбленным местом сборища для женщин легкого поведения.

Его душа, «потрясенная сильными впечатлениями», делает его вначале нечувствительным к пронизывающему ноябрьскому холоду. Но когда его горячая фантазия немного остыла, он резко почувствовал холодное дыхание осени. Он ищет защиты от холода в сводчатых галереях сада. Подвижная, пестрая толпа проституток и прожигателей жизни, ярко освещенные рестораны, откуда раздается говор и смех, – все это почти мутит его рассудок. Он беден, он не может позволить себе ни одного из этих удовольствий. Вдруг его горящие взоры падают на женскую фигуру. Позднее ночное время, ее манеры, ее молодость подсказывают ему тотчас же, что она одно из тех несчастных созданий, которые сотнями ходят по саду. И все-таки во всем ее существе есть что-то, что отличает ее от них и привлекает к себе. Она одета скромнее, чем другие, ее манеры скорее сдержанные, нежели вызывающие. Это придает ему мужество победить свою собственную робость. Он, который «больше чем кто-нибудь другой был убежден в ее постыдном ремесле», который предостерегает себя «от взгляда этих ежеминутно оскверняемых созданий», – он заговаривает с ней. И, точно в оправдание самого себя, он пишет после в своей тетради, что он сделал это скорее для психологического наблюдения, чем ради самого знакомства. И все-таки здесь чувствуется трепет желания знать, разрешить, наконец, загадку женщины. Притягательная сила неведомого держит его в своей власти.

– Вы озябли? Как можете вы прогуливаться здесь в такой холод? – наивно спрашивает он девушку.

– Ах, сударь, меня поддерживает надежда. Мне ведь нужно закончить мой вечер, – отвечает она.

То равнодушие, с каким произнесены эти слова, очаровывает новичка, и он шагает дальше рядом в ней.

– У вас, по-видимому, очень слабое здоровье, – продолжает он. – Я удивляюсь, как вы не боитесь подорвать его окончательно вашей профессией.

Девушке подобное замечание кажется по меньшей мере странным.

– Черт возьми, сударь, – отвечает она, – надо же ведь что-нибудь делать!

– Само собой разумеется. Но разве нет какого-нибудь другого занятия, более подходящего для вашего здоровья?

– Нет, сударь, нужно ведь как-нибудь жить.

И в этом же роде продолжают вопросы и ответы. Он хочет знать все. Как она дошла до этого печального ремесла, как давно она им занимается, кто ее толкнул на это, откуда она родом, сколько ей лет и т. д. Вполне охотно, но безучастно рассказывает ему девушка всю свою историю, и его жажда знания находит, наконец, полное удовлетворение в его убогом номере отеля, на узкой и темной улице Фур-Сент-Оноре.

Как ни будничным кажется нам это приключение, тем не менее оно рисует нам Наполеона со всеми характерными особенностями его натуры. Его пытливость, которую он не может заглушить в себе даже и в этом случае, его точность, с которой он все заносит в свою тетрадь вплоть до мельчайших подробностей, даже его изумительная память, так восхваляемая впоследствии, – все это нашло здесь яркое выражение. Но если кто-нибудь думает, что он отметил этот случай своей жизни потому, что он произвел на него особенное впечатление, тот ошибается. Подробное изображение этой мимолетной встречи с женщиной сделано им, без сомнения, скорее из принципа, вследствие его склонности отмечать со всей точностью каждый поворотный пункт в своей жизни, нежели вследствие глубокого внутреннего переживания. Сердце Наполеона было слишком полно любви к отчизне для того, чтобы какое-либо другое переживание, хотя бы чисто чувствительное, могло поместиться в нем. Из всего своего приключения в Пале-Руайяль он вынес, хотя и не без борьбы, совершенно обратное впечатление. Все свои физические ощущения он постарался подавить единственным, на его взгляд, достойным и настоящим чувством – чувством патриотизма.

Пять дней спустя, 27 ноября, он писал монолог о любви к отечеству. Он обращен к какой-то неназванной женщине. Был ли Наполеон настолько наивен, что под анонимной дамой имел в виду прелестницу из Пале-Руайяль? Весьма возможно. Париж с его бесчисленными, легко доступными женщинами, с его тысячами жриц Венеры казался ему наикипью всего низменного в жизни. Все его внутреннее существо возмущалось против этого. Как мог этот развращенный народ, преданный всецело чувственным наслаждениям, еще испытывать чувство любви к родине? Как далеко было это все от простых нравов, добродетелей и величия души древних спартанцев! Где были те старые времена, когда еще патриотизм считался высшей добродетелью? – Так писал восемнадцатилетний юноша, в котором только что впервые пробудилась чувственность. Нет, любовь не была создана для Наполеона. И все-таки мы видим: он борется, он борется против женщины, этой змеи, которая обвивает его своими кольцами, которая поминутно преследует его мысли, которая может затемнить его рассудок. Он призывает на помощь всю сильную рать аргументов Руссо, чтобы выйти победителем из искушения, – и это удается ему.

Обогащенный одним лишним опытом, но, может быть не более знающий, чем прежде, вернулся Наполеон на родину. Женщина не смогла приобрести над ним власти. Разнузданность и разврат не захватили его и даже не внушили ему к себе интереса. На Корсике он продолжал свой прежний замкнутый образ жизни. Но его отпуск окончился, а с ним и прекрасное, дивное время, проведенное в родной стране.

Полк Ла-Фер между тем, с 1787 года, переменил место своей стоянки и находился теперь в Оксоне. Туда лейтенант Бонапарт вступил 1 июня 1788 года.

На рыночной площади Оксоны стоит памятник Наполеону. Один из барельефов представляет нам артиллерийского поручика Бонапарта, мечтательно прислонившегося к старому дубу, – одному из тех, которые еще и сейчас осеняют своими корявыми ветвями загородную улицу неподалеку от источника Отшельника. Наполеон любил дорогу к этому источнику. Ничто не тревожило его там. Только шорох листьев да плеск воды нарушали тишину. Здесь он мог в полном уединении предаваться своим мыслям, которые всецело были поглощены его родимым островом. Мечтательно и задумчиво ходил он взад и вперед, заложив руки за спину, с книгой или с несколькими чистыми листочками бумаги, куда он заносил свои заметки. Иногда он останавливался, машинально и бессознательно чертил концом сабли на песке геометрические фигуры и, казалось, был далеко от будничной действительности.

Часто он заходил отдохнуть в деревню Виллер-Ротен, в имение арендатора Мерсере. Одно время летом он перенес даже туда свои книги и карты и работал в тени могучей липы, среди деревенской тишины и безлюдья.

Но только ли драгоценная тишина деревни и прекрасное молоко арендатора привлекали молодого Бонапарта в Виллер-Ротен? У Мерсере была дочь, юная и свежая, как утро. По-видимому, она была предметом робких ухаживаний лейтенанта Бонапарта. Он звал ее «своей маленькой Мари» и подарил ей шелковый платочек и серебряное колечко, – скромные сувениры, имевшие, однако, в глазах их обладательницы больше ценности, чем все сокровища, которые впоследствии император мог положить к ее ногам.

Менее сентиментальными являются нам отношения Наполеона к кокетливой мадам Ноден. Ее муж был военным комиссаром в Оксоне, и лейтенант Бонапарт был желанным гостем в доме Ноденов. Говорят, что он был еще более желанным гостем тогда, когда сам г-н Ноден был в отсутствии. Несомненно только то, что когда Наполеона уже не было в Оксоне, он обменивался письмами с мадам Ноден. Он вспоминал о ней и позднее и назначил Нодена во время Империи генерал-интендантом инвалидного ведомства.

Мария Мерсере и мадам Ноден не были единственными женщинами, с которыми лейтенант Бонапарт завязал знакомство в своем втором гарнизоне. Одна молодая девушка из буржуазной среды по имени Манеска Пилле привлекла также к себе его внимание. Она была падчерицей богатого торговца дровами Шабера и имела хорошее приданое, потому что Наполеон, как кажется, имел намерение жениться на ней. Возможно, что он даже делал попытку просить ее руки, но родственникам девушки этот брак с бедным офицером без будущности и без состояния показался слишком невыгодным. Впрочем, Наполеон посетил дом г-на Шабера не больше двух-трех раз, принимал раза два участие в висте и в один из этих случаев написал на игральной дощечке из слоновой кости имя Манески. Этот единственный документ мимолетного чувства императора к дочери дровяного торговца сохраняется в оксонской городской библиотеке. На темных локонах Манески не суждено было блеснуть маленькой короной, которую Наполеон пятнадцать лет спустя возложил на другую женскую голову.

Итак, мы видим, что для Наполеона дело не обошлось совсем без женских знакомств во время его пребывания в Оксоне. И Костон, биограф его юности, не прав, когда утверждает, что никто не слыхал о каких-либо галантных приключениях Бонапарта в бытность его в Оксоне. Несомненно, что Наполеон не разыгрывал из себя святошу и тогда, когда его товарищи в 1789 году, зимой, давали бал местным гризеткам, и принимал в нем деятельное участие.

О любви во всех этих случаях, конечно, не может быть и речи. По крайней мере, в своем «Диалоге о любви», который был им написан как раз в это время, он выражает взгляды совершенно противоположные тем, какие обыкновенно высказывает влюбленный человек. Он отрицает любовь и счастье, которое она несет с собой. Он считает ее вредоносной для человечества. Освободить от нее землю было бы благодеянием богов всему людскому роду. И когда его влюб-

ленный друг де-Мази, который якобы принимает участие в этом диалоге, хочет изобразить ему, как он счастлив благодаря своей любви, Наполеон отвечает ему: «Я смеюсь над всем тем, что держит вас в плену. Но еще больше мне смешно то одушевление, с которым вы мне все это рассказываете. Что за странная болезнь овладела вами? Бессонные ночи, нетронутые обеды, ни одного местечка на всем земном шаре, где бы могло улечься ваше беспокойство! Ваша кровь кипит, вы ходите взад и вперед большими шагами, глядя вдаль блуждающим взором. Бедный друг! Разве это счастье?.. Если бы вам пришлось защищать отечество, то что стали бы вы тогда делать?.. На что вы годны?.. Можно ли было бы доверить государственную тайну человеку, у которого нет воли?.. О, как я сожалею о вашем заблуждении! Как, вы полагаете, что любовь есть путь к добродетели? Нет, она тормозит вас на каждом шагу. Будьте же благоразумны!».

Подобные взгляды нас не могут удивлять, если принять во внимание, что их высказывал юноша, на плечах которого уже лежало тяжелое бремя заботы о своей семье: надо было сначала жить, прежде чем любить. Позднее, из страстных писем к Жозефине мы можем убедиться, что генерал Бонапарт не всегда придерживался суровых взглядов на любовь поручика Бонапарта. Его жаждущее любви сердце ждало только случая, чтобы с тем большей силой, с тем большей страстностью спеть гимн любви.

А пока что он смотрел на женщину с точки зрения истинного корсиканца: как на супругу и мать. Любовь вне семьи была для него лишена всякого значения; больше того – он считал ее губительной. В «Discours de Lyon» о человеческом счастье, написанном приблизительно в то же время, что и «Discours sur l'amour», и под влиянием тех же переживаний, он говорит: «Без жены нет ни здоровья, ни счастья. Внушите поэтому бесчисленному количеству юношей, что их радости не настоящие». И исполненный этих принципов, он снова вернулся в свое отечество.

Глава III

Луиза Тюро де-Линьер, Дезире Клари

В сердце Наполеона бушевали теперь другие, не любовные бури. Факел свободы зажег во Франции грозный пожар революции. Юный сын этой революции, в которой он видел все спасение, он со всем пылом предался опьяняющим идеям свободы, кружившим его голову, как молодое вино. Позабыты были женщины и любовь, позабыты все сентиментальные и философские рассуждения о женщине и ее свойствах. Теперь одна только женщина, прекраснейшая из всех, занимала его: это – свобода. Да, свобода для его бедного отечества, для его Корсики. И ей, этой возлюбленной, он бросается в объятия.

С этих пор он не хочет знать ничего, кроме патриотизма и еще честолюбия. Играть роль на мировой сцене, будь хоть этот мир лишь островом, на котором он родился, создать своей семье уважаемое положение и упрочить ее будущность – таковы теперь все его стремления. Женщине тут нечего делать: ему нечего от нее ожидать и нечего отдавать ей. Ни на Корсике, ни затем в Тулоне нам ничего не известно о каких бы то ни было любовных отношениях Наполеона к женщинам. Текущие события и его служба всецело поглощают его.

И только в 1794 году женские лица вновь появляются в жизни Наполеона. Он уже успел пройти школу республиканца и из королевского поручика артиллерии сделался республиканским бригадным генералом. Однако 9 Термидора, повлекшее за собой падение обоих братьев Робеспьер, чуть не сделалось для него роковым. Вследствие его дружеских отношений к младшему из Робеспьеров он был арестован и посажен в крепость Форт Карре, около Антиб. И только его отличные связи и прекрасная репутация, которой он пользовался у народных представителей, смогли вернуть ему назад свободу, то есть ему было разрешено проживать впредь в доме своего друга графа Жозефа Лауренти в Ницце, у которого он нашел приют незадолго до своего ареста. Вскоре между молодым генералом и семьей Лауренти, состоявшей из двух дочерей и сына, завязалась самая тесная дружба. Молодые люди ладили друг с другом великолепно. Бонапарт не смог остаться нечувствительным к юной прелести младшей из сестер, Эмили. Желание, ставшее вскоре настойчивым, упрочить себе будущность заставило его просить руки юной графини. Мать, однако, хотя генерал Бонапарт и был ей симпатичен, воспротивилась этому союзу, выставляя причиной отказа возраст своей дочери, которой в то время было только четырнадцать лет.

Но генералу Бонапарту некогда было предаваться унынию по поводу своей неудачи. В сентябре он снова вступил в свою прежнюю сферу деятельности в качестве артиллерийского генерала итальянской армии, и его новые обязанности всецело поглотили его. Он был так непохож на своих подчиненных, часто гораздо старших, чем он сам. Никогда он не говорил ничего неопределенного, его орлиный взгляд охватывал сразу все критические положения, и что он говорил, то было веско. Эти его качества особенно были оценены народными представителями Рикордом и Тюро де-Линьером. Они были в восхищении от молодого генерала и при каждом удобном случае выставляли на вид его заслуги.

Тюро был довольно незначительный человек, но у него была прелестная жена. В конце сентября она приехала вместе с мужем в Ниццу, место главной квартиры итальянской армии. Там она увидела генерала Бонапарта в первый раз. Она была дочерью версальского хирурга Готье и только два месяца как стала женой народного представителя. В грации и кокетливости она не уступала любой парижанке. Ей было двадцать четыре года, и она была подвижна и жизнерадостна, как стрекоза. Скорее маленького, чем высокого роста, скорее темноволосая, чем белокурая, с матовым, как из слоновой кости, цветом лица, с темными блестящими глазами и

румяными губами, словно созданными для поцелуев, – такой нам представляется Луиза Тюро. Наполеон сам говорил, что она была «необыкновенно хорошенькая» (*extrêmement jolie*).

Но красота и жизнерадостность были, по-видимому, ее единственными преимуществами; ум и добродетель не находились среди ее качеств. Супружеская верность для этой легкомысленной женщины, едва вступившей в брак, не была чем-то обязательным. Худой, по внешности мало привлекательный генерал Бонапарт, о котором одна остроумная женщина сказала, что «не будь он так худ и болезнен на вид, можно было бы обратить внимание на тонкие черты его лица», однако понравился хорошенькой мадам Тюро. Она и ее муж отличали его при каждой возможности, от чего Наполеон далеко не оставался в накладе, так как народный представитель был в эти времена очень влиятельной особой. Позднее император вспоминал об этом покровительстве и рассказывал своим приближенным, которые делили с ним изгнание на пустынном острове:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.